

Глава 16. Ублюдок

Вспышка была такой силы, что тьма покойницей вмиг отступила, сменившись слепящим белым светом.

Когда сияние угасло, всё уже было кончено.

Сяо Мин разжал объятия, в которых бережно укрывал Цзун Ванчуаня, и заискивающе промурлыкал:

— Ну как? Видишь, я всё-таки на что-то годен.

— Спасибо.

Цзун Ванчуань холодно поблагодарил его и вернулся к телу.

Чжан Гуй окончательно погрузилась в объятия смерти; теперь не оставалось ни единого шанса на её пробуждение.

Заметив это, Сяо Мин с притворным сожалением вздохнул:

— Прости, дорогуша. Кажется, я снова сорвал твой ритуал.

— Это не твоя вина. Моя.

Цзун Ванчуань поправил одежду покойной, накрыл её белой простыней и задвинул каталку обратно в холодильную камеру.

Замерев перед стальной дверцей, он сложил ладони в молитвенном жесте и негромко пробормотал:

— Если бы я не был так самоуверен... Если бы в середине призыва не возникло помехи, такой оплошности бы не случилось. И тогда...

Сяо Мин понимающе похлопал его по плечу:

— Неудачный призыв не означает отсутствие результата. По крайней мере, теперь мы знаем наверняка: кто-то из семьи Кан призвал демона. И этот демон приложит все силы, чтобы никто не узнал тайну Кан Айлин.

— Да. Скрыть факт того, что Кан Шэнцзя надругался над собственной дочерью, — вот истинная цель того, кто призвал это существо.

Цзун Ванчуань развернулся, собираясь покинуть морг. В этот момент Сяо Мин снова пристал к нему:

— Любимый, а почему ты никогда не расспрашиваешь обо мне?

— Опять с ума сходишь?

Ванчуань смерил его брезгливым взглядом, но отталкивать не стал.

Сяо Мин, воспользовавшись моментом, выудил откуда-то тонкую книжицу:

— В «Азбуке любви» чётко сказано: если любишь человека, то непременно захочешь узнать о нём всё. Ты никогда ни о чём не спрашиваешь, а значит — ни капельки меня не любишь.

«И это правда», — хотел было отрезать Цзун Ванчуань, но, вспомнив, что этот демон только что спас его из когтей Божества смерти, решил не проявлять излишнюю жестокость.

Достав зажигалку, он закурил и выдохнул струйку дыма:

— Ладно. О чём ты хочешь, чтобы я спросил?

— О... — Сяо Мин картинно приложил палец к подбородку, изображая милашку. — Как насчёт моих крыльев?

— Хорошо.

Ванчуань затаился.

— Есть кое-что, о чём я давно хотел спросить. Ты — демон Бездны, так почему у тебя крылья белее, чем у ангела?

— Белоснежные и сияющие, — серьёзно поправил его Сяо Мин.

Цзун Ванчуань послушно перефразировал:

— Ты — демон, так почему у тебя пара белоснежных и сияющих крыльев?

— Я же не Господь Бог, откуда мне знать? Точно так же, как люди не могут перед рождением выбрать, кем они станут, ни один демон не знает, какой облик примет, пока не обретет плоть... Возможно... эти крылья — лишь проявление любви Бездны к своему фавориту. То есть ко мне, единственному и неповторимому. Дорогой, тебе нравится такое объяснение?

«По-моему, эти крылья — чистой воды издевка Бездны», — подумал Цзун Ванчуань и тут же произнёс это вслух.

Услышав это, Сяо Мин снова осклабился в своей фирменной «акульей» усмешке:

— Любовь это или насмешка, но крылья ведь чертовски хороши, правда?

***

Ян Ин в очередной раз перевернулась в постели.

Каждая деталь встречи с Цзун Ванчуанем раз за разом всплывала перед её глазами, а слова эхом отдавались в ушах.

Стоило ей закрыть глаза — и сцена вставала перед взором, стоило зажать уши — и звуки вновь терзали слух.

Душа и тело изнывали от невыносимой пытки.

В этот момент проснулся Кан Шэнцзя.

Он открыл глаза и увидел жену, которой явно было не до сна:

— А-Ин, ты плохо себя чувствуешь?

— Э-э... — Ян Ин помедлила, подбирая слова. — Не могу уснуть. Когда я сегодня ходила в больницу к Сяо Лин, то увидела, как один врач покончил с собой, сбросившись с крыши. Это было... так жутко... Закрываю глаза и вижу её... Бедная женщина...

С этими словами она закрыла лицо руками и зашлась в рыданиях.

— Самоубийство? Прямо у тебя на глазах? — Кан Шэнцзя не верил своим ушам.

Ян Ин покачала головой, всхлипывая:

— Это была лечащая врач Сяо Лин. За пять минут до случившегося мы ещё болтали в палате, потом я пошла с дочкой в туалет, а когда вышла... всего несколько минут... а она уже... Это так страшно... Почему... почему с нами всё это происходит?

— Перестань плакать. Каждому отпущен свой срок, — Кан Шэнцзя обнял жену, стараясь утешить её, как мог.

Плечи Ян Ин сотрясались от рыданий.

Прижавшись к мужу, она сквозь слезы проговорила:

— Если бы я тогда не пошла с Сяо Лин в туалет, если бы мы вовремя заметили, что с ней что-то не так... если бы... если бы мы не приняли эти проклятые лилии...

— Лилии?

Взгляд Кан Шэнцзя мгновенно изменился.

Он приподнял жену, которая была уже на грани истерики:

— При чём здесь лилии? Ты что-то скрываешь от меня?

— Я... — Ян Ин снова запнулась.

А затем разрыдалась в голос, словно пытаясь выплеснуть всю обиду и тревогу.

Кан Шэнцзя не понимал, что произошло, и лишь крепче прижимал её к себе.

Спустя десять минут Ян Ин немного успокоилась.

Она подняла заплаканное лицо и посмотрела на мужа:

— Тот букет лилий передал в больницу Лун Аолинь.

— Лун Аолинь? Этот ублюдок?

На этот раз голос изменился уже у Кан Шэнцзя.

Ян Ин кивнула:

— Да, этот бесстыжий подонок! Он покончил с собой... нет, уже вчера днём. И перед смертью передал охапку лилий для Сяо Лин, а потом... а потом врач нашей девочки выбросилась из окна...

— Сволочь!

Лицо Кан Шэнцзя перекосило.

— Я должен был догадаться, что это дело рук того выродка! Лун Аолинь, сукин ты сын! Даже сдохнув, ты не успокоился! Просто... слов на тебя нет!

Ярость вскипела в нём с новой силой. Отбросив одеяло, он рывком открыл шкаф и начал переодеваться.

Увидев, что муж собирается уходить, Ян Ин поспешила за ним:

— Дорогой, уже так поздно, куда ты?

— Нужно повидать одного человека. — Кан Шэнцзя накинул пиджак и схватил ключи от машины.

— Что за срочность? Нельзя подождать до рассвета? Или просто позвонить?

Ян Ин вцепилась в его рукав.

Кан Шэнцзя покачал головой:

— Нет. Об этом нужно говорить только лично, с глазу на глаз. Нельзя ждать утра, и уж тем более такое не решается по телефону.

Заметив страх на лице жены, он добавил:

— Не волнуйся, А-Ин. Тот, к кому я еду, — мужчина.

— Разве я могу в тебе сомневаться...

Ян Ин выдавила вымученную улыбку.

***

В апартаментах над баром «Утренняя звезда», занимавших целый этаж, некий демон, проживший на свете невесть сколько веков, с идиотской улыбкой трехлетнего ребенка донимал своего человеческого контрактора.

— Любимый, ну давай поиграем в «папочку», а?

Он ловко взобрался на диван и подполз к Цзун Ванчуаню, который сосредоточенно изучал документы.

— В «папочку»? — Ванчуань явно не горел желанием участвовать в этом балагане.

Сяо Мин же с горящими глазами выудил «сценарий», всунул его в руки Цзун Ванчуаня и принялся возбужденно объяснять:

— Действуем по тексту! Ты — юный сын, только что поступивший в университет. А я — твой отец-одиночка, одержимый чрезмерной опекой. Ты возвращаешься домой на каникулы, стоишь передо мной в одних пляжных шортах, и я... я словно околдован тобой. Каждую ночь я не могу сомкнуть глаз, пытаюсь подавить в себе порочные чувства доводами морали. И вот однажды я возвращаюсь домой и вижу, как ты, устав от видеоигр, уснул прямо на диване — такой невинный и беззащитный... Я решаю дать волю своей темной стороне. В этот момент ты чувствуешь на себе чей-то взгляд и открываешь глаза...

— И что дальше?

— А дальше я иду до конца и пристегиваю тебя наручниками к дивану!

Сяо Мин задорно звякнул чисто серебряными наручниками, лежавшими на кофейном столике.

Цзун Ванчуань нахмурился:

— Неужели у тебя нет более возвышенных стремлений?

— Возвышенные стремления — у ангелов, а я демон.

Сяо Мин отложил наручники, взял латунный нож для вскрытия писем и игриво облизнул лезвие.

— Когда я прикую тебя, ты должен отчаянно сопротивляться и твердить: «Папа, это неправильно!», но я уже ничего не соображаю, я одержим желанием обладать тобой! В итоге я окончательно связываю тебя и этим самым ножом разрезаю твою одежду, начиная от штанин и выше...

Дойдя до самого пикантного места, демон снова расплылся в похотливой ухмылке.

Чтобы хоть как-то сгладить неловкость, Ванчуань взял сценарий, пролистал до последней страницы и вслух прочитал финал:

— «В конце концов, я покоряюсь власти отца, становлюсь его личной игрушкой и каждый день молю его не останавливаться...» Твой сценарий написан от первого лица, якобы от моего имени?!

— Так легче вжиться в роль, — Сяо Мин прижался щекой к лицу Ванчуаня, едва сдерживая нетерпение. — Ну же, дорогой!

— Ладно.

Цзун Ванчуань отложил бумаги на столик и посмотрел демону прямо в глаза:

— Прежде чем мы начнем, я должен тебе кое-что напомнить.

— Что именно?

— Мы оба взрослые люди. У нас нет ни кровного родства, ни юридического статуса отца и сына. Мы можем ради забавы в постели выкрикивать постыдные реплики вроде «Папочка, не надо!». Но в реальной жизни это абсолютно недопустимо.

— Остынь, я не заставлю тебя кричать «папа» на людях. Хотя, учитывая мой возраст, это было бы скорее комплиментом.

Сяо Мин — чьи истинные годы были неисчислимы — щедро раздавал обещания.

Цзун Ванчуань посмотрел на него с тяжелым вздохом:

— Я имею в виду другое. Два взрослых человека, не связанных родством, могут играть в такие игры ради остроты чувств. Но если речь идет о кровных родственниках или о тех, кто наделен властью отца, а вторая сторона при этом несовершеннолетняя — это...

— Обожаю остроту чувств!

Не дослушав, Сяо Мин повалил его на диван.